

ГЛАВА IV. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (весна-лето 1935 г.)

§ I. Миссии в Германию, СССР и Восточную Европу

Достижение Англией и Францией договоренности о плане европейского урегулирования, солидаризация с ним Италии, СССР создали в феврале 1935 г. обстановку, отчасти напоминавшую ситуацию июля 1934 г.: заинтересованные в сохранении мира державы настаивали на многостороннем и при участии самой Германии разрешении германской проблемы. Если летом 1934 г. Великобритания, способствуя заключению соглашений, не предусматривавших ее участия, формально оставалась на втором-плане, то через полгода как процесс подготовки новой концепции, так и отводимая ею Лондону роль значительно повысили его ответственность за исход нового тура переговоров. Итоги англо-французского совещания позволили британскому руководству возобновить активный поиск соглашения с Германией, заручившись согласием других держав, Лондон расчистил почву для таких переговоров и укрепил свои позиции. Указание в коммюнике 3 февраля на свободное и равноправное обсуждение предполагаемых пактов было тактически выгодно англичанам: никто лучше их не мог сочетать роли заинтересованной стороны и посредника между немцами к их оппонентами. Ощущение глубокого неблагополучия в Форин Офис на время оттеснила почти лихорадочная активность по подготовке переговоров с рейхом.

Фактически немедленно по вручении Гитлеру лондонского коммюнике в европейских политических кругах (а с 9 февраля и в прессе /11,12–509/) начала обсуждаться идея прямых и исключительных переговоров между Германией и Соединенным королевством (1). Такая перспектива вызвала опасения Москвы и Парижа. 13 февраля, отказываясь от предложения В.П.Потемкина (выходившего, впрочем, за

рамки директивы НКВД /5,18–93/), "чтобы Германия вела с Францией переговоры без английского посредничества, совместно с нами (т.е. СССР. – О.К)", Лаваль все же подтвердил: Франция не станет уполномочивать англичан на ведение переговоров от ее имени /5,18–105/. На следующий день Ш.Корбэн сделал представление Форин Офис о целесообразности использовать в этих целях послов Англии и Франции в Берлине /11,12–524/. До середины февраля аналогичным было мнение Р. Ванситарта, назначенного начальником Западного отдела О.Дж. Сарджента и Э. Фиппса /11,12–512-513,518/. С почти нескрываемым сочувствием относились к нему недовольные самоуверенностью Гитлера и влиянием Риббентропа руководители МВД Германии /11,12–512, 514, 530, 578/.

Официальный ответ германского правительства 14 февраля изменил обстановку. Меморандум, как и устные комментарии К.фон Нейрата, демонстрировали нежелание вести переговоры на основе лондонского пакета. О Восточном пакте было заявлено, что Германия не изменила позиции, отраженной в ноте от 8 сентября 1934 г., о Дунайском – что она по-прежнему ожидает ответа на посланный в Рим и Париж запрос о конкретном содержании этого пакта и пока не может высказать своего мнения. Берлин счел нецелесообразным выдвигать предложения по конвенции о вооружениях взамен военных статей Версальского договора и обсуждать возвращение в Лигу наций. Более благосклонно была воспринята идея воздушного пакта. Вероятно, сочтя ее наиболее чувствительным пунктом коммюнике для англичан и опасаясь, что уклонение от переговоров по воздушному пакту откроет путь англо-французской военной антанте, Гитлер согласился рассмотреть этот проект. Правительство, заявил Нейрат Фиппсу, "отдает сильное предпочтение двусторонним предварительным переговорам, первоначально – с одной лишь Великобританией

либо в Берлине, либо в Лондоне, но желательно в Берлине" /11,12–517/. Являясь примитивной попыткой вбить клин между Англией и ее партнерами (2), германский меморандум был выдержан в вежливых, почти сердечных тонах /142–128; 355–115/. Несомненно, обнадеживало и

полученное Д. Саймоном от Лотиана компромиссное предложение Вильгельмштрассе (3).

На очередном заседании кабинета 19 февраля вопрос о поездке государственного секретаря в Берлин был решен положительно. Макдональд и Лондондерри полагали, что прежде следует провести переговоры с Нейратом в Лондоне. Решающий довод сформулировал С. Болдуин: "... Обсуждения с кем-либо, кроме герра Гитлера, принесут очень мало, пользы, и приезд его представителей в Лондон сам по себе ничего, не даст" /180–795; 350–127; 12,3–953–954/. Саймон разделял сомнения Ванситтарта в достижимости положительного эффекта посредством визита в Берлин. Госсекретарь понимал, что его поездка может "еще более поощрить непримиримость Германии" /11,12–549,568/. Все же к концу февраля в Форин Офис сложилось твердое убеждение в тактической целесообразности визита госсекретаря как с точки зрения международной политики, так и с внутривластной /11,12–549,568,597/ (4).

21–22 февраля состоялись встречи Виграма с Бисмарком в Лондоне и Фиппса с Нейратом в Берлине. Английские дипломаты сообщили, что их правительство готово продолжить обмен мнениями и считает возможным визит Саймона в Германию при соблюдении трех условий: "такой обмен должен быть тщательно подготовлен"; охватывать все пункты лондонского коммюнике; немцам следует подтвердить, что не намерены "вносить раскол между Англией и "дружественными ей" Францией и Россией" /11,12–566; 12,3–953–955, 958; 2,8–185/. Выдвигая эти условия, Лондон, думается, исходил из

– 142 –

своих непосредственных интересов, но одновременно учитывал обеспокоенность Франции и СССР предстоящими переговорами (5). Германский министр иностранных дел предоставил англичанам требуемые заверения¹. 25 февраля Саймон сообщил палате общин о намерении провести консультации в германской столице /1,297–1775–1776/.

Одновременно с подготовкой поездки в Берлин был поставлен и начал прорабатываться вопрос о визите высокопоставленного британского представителя в Советский Союз. Такая мысль была впервые высказана на встрече И. М. Майского с Р. Ванситтартом 13 февраля. Полпред сообщил, "что в Москве приветствовали бы частную поездку" постоянного заместителя госсекретаря по иностранным делам или министра сельского хозяйства в СССР. Проявив "большое удовлетворение" полученным приглашением, Ванситтарт в качестве возможного кандидата упомянул А. Идена /5,18–101/ (6). 21 февраля "Тайме" и "Дэйли телеграф" поместили заметки о том, что Саймон и Идеи обдумывают возможность визита в Москву /238–182/, которые Майский обоснованно считает инспирированными Форин Офис. НКВД, однако, предписал "соблюдать сдержанность и не проявлять никакой активности" /59–105/, пока 28 февраля полпреду не было поручено передать официальное приглашение госсекретарю по иностранным делам посетить Москву. Осторожность советских руководителей была отчасти оправданной – мысль о немедленных переговорах с ними вызвала в Лондоне большие колебания. Даже Ванситтарт, предлагавший соединить поездку Саймона в Берлин с посещением Москвы и Варшавы, проявлял готовность отложить вторую часть турне до конца весны /11,12–563–565/. Саймон еще до получения приглашения

– 143 –

намеревался сразу по завершении берлинских бесед ехать в Москву вместе с Иденом, но через несколько дней передумал /3,8–125/. Сочетание визитов, считая премьер-министр, "может уменьшить значение обоих и втянуть нас в европейское соперничество, чего в настоящее время мы должны избежать любой ценой", и вместо поездки в Москву предлагал пригласить Литвинова в Лондон /11,12–585–586/. Попытка Ванситтарта в те дни суммировать в особом меморандуме оценки международного положения СССР и цели британской политики по отношению к нему вызвала острую дискуссию среди руководителей отделов Форин Офис. К единому мнению спорящие прийти не смогли /11,12–559/². Было, однако, несомненным, что в отношениях с СССР Англия должна руководствоваться стремлением, как писал Ванситтарт, "сохранить нынешнюю ситуацию, при которой Россия поддерживает цели Франции и наши собст-

¹ Неофициально они были даны ранее. О странных обстоятельствах приглашения Саймона германским МИД см.: /11,12–550/.

² Подробнее см.: /350–128–129, 267/.

венные, а франко-русского союза не существует" /11,12–562/. Исходя, вероятно, из таких сообщений, высшие руководители пришли к согласию относительно визита в Москву. 4 марта на совещании Макдональда, Болдуина, Саймона, Идена и Ванситтарта было решено, что госсекретарь и лорд-хранитель печати совместно посетят Берлин, после чего последний направится для проведения консультаций в Москву, Варшаву и Прагу /37–125-126; 220–183/³ (8). Несколько ранее Нейрат и Фиппс согласовали официальное сообщение о начинающемся 7 марта визите британских министров в Берлин. Однако 5 марта германская сторона отложила его на неопределенное время.

– 144 –

Неожиданная отсрочка заставила английских дипломатов искать объяснения. Решение Гитлера, полагал посол в Берлине, "вызвано на 50% простудой и на 50% гневом (в связи с публикацией в Англии правительственного заявления о состоянии вооружений. – О.К.), ... на 50% тщеславием (Гитлер придавал большое значение голосовым модуляциям при ведении переговоров. – О.К.) и на 50% злостью" /11,12–626/. Действительные причины откладывания визита Саймона были серьезнее: в Берлине решили вести переговоры с позиции неприкрытой силы (9). В субботу 9 марта Геринг в интервью "Дэйли мэйл" сообщил об воссоздании германской военной авиации. Спокойная и даже оптимистичная реакция Лондона /12,3–997; 91–18.03.1935–12/, несомненно, поощрила нацистов к следующему шагу /269–332/. 16 марта в нарушение статьи 113 Версальского договора германский диктатор издал закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности, что означало как резкое (до 550 тысяч чел.) увеличение численности вооруженных сил, так и наращивание вооружений (10).

Действия Гитлера не привели к принципиальным изменениям не только в стратегии, но и в тактике Великобритании. Ее правительство отказалось согласовывать свой ответ с Парижем и Римом и, опережая их реакцию, 18 марта утвердило осторожно сформулированную ноту протеста действиями Германии (11). Она содержала, наряду с осуждением, запрос, согласно ли имперское правительство по-прежнему вести консультации с Англией на основе лондонской программы, т. е. на базе частичного признания неправомерности закона от 16 марта /7,10–256-257/. Нейрат дал положительный ответ. Фиппс обещал, что государственный секретарь прибудет в Берлин 24 марта /12,3–1015-1016/.

— 145 —

Великобритания, таким образом, поставила своих партнеров на Западе и на Востоке перед свершившимся фактом. Предложение СССР осуществить визит Идена в намеченные сроки было отклонено. Одновременно Лондон обещая восстановить складывавшийся с середины 1934 г. дипломатический фронт Англии, Франции и Италии. На парижской встрече 23 марта с Лавалем и Сувичем А.Иден от имени правительства повторил сделанные месяцем ранее заверения и обещал, что руководители Франции и Италии получают честный и полный отчет о беседах в Берлине. На совещании было решено провести с 11 апреля конференцию глав правительств и внешнеполитических ведомств трех стран в североитальянском городе Стреза /11,12–822; 360–138-139/. Кроме того, уточнение программы поездок Саймона и Идена /91–21.03.1935-14/ и подтверждение их информационной направленности лишали остановку в германской столице той исключительности, которую желали придать ей немцы /1,299–1180; 67–359/.

В итоге Лондон приблизился к желанной цели – диалогу с рейхом о европейском урегулировании. Взамен он вынужден был отказаться от ведения переговоров по существу, всех пунктов декларации 3 февраля либо в обход некоторых из них. Приходилось считаться и с изменившимся к концу марта общественным мнением. Самая серьезная трудность состояла в том, что после 16 марта Англия потеряла возможность использовать при обсуждении козырь легализации вооружений. Госсекретарь с пессимизмом ожидал встреч с Гитлером. Визит, считали лидеры страны, все же меньшее зло, чем демонстративный отказ от его осуществления /51–202; 174–523/. Сохранялись слабые, поддержанные Гитлером в беседе с Саймоном 16 марта и в интервью У.Прайсу (корреспонденту "Дэйли мэйл") .17 марта /11, 12–646-648; 15,1935,2–

³ Решение о поездке Идена в СССР, Польшу, ЧСР было утверждено кабинетом 6 марта, на следующий день объявлено парламенту /1,297–2138/.

309/ надежды на прогресс общеевропейского урегулирования /11,12–682; 15,1935, 2–289-300, 304; 69–26⁴.

— 146 —

Н. Чемберлен, А. Идеи и некоторые руководители Форин Офис поддерживали решение о поездке английских министров в Берлин, исходя из того, что неизбежное столкновение подходов сторон на переговорах развеет иллюзии немецких и британских лидеров в отношении политики друг друга /11,12-645; 37-130; 347-301/⁵.

Переговоры Д. Саймона и лорда-хранителя печати А. Идена с Гитлером, Нейратом и Риббентропом открылись 25 марта и велись два дня на протяжении 12-14 часов. Во вступительном слове госсекретарь изложил свое понимание главной европейской дилеммы – сотрудничество всех держав континента или возвращение к системе блоков. Политика Англии, напомнил он, состоит в предотвращении второй возможности, означающей сползание к войне.

На первый план английскими представителями была выдвинута проблема Восточного пакта (14). Саймон представил ее исключительно корректно. Несмотря на то, что в ходе консультаций с Францией англичане не взяли на себя обязательства защищать проект пакта в его первоначальной форме, госсекретарь заявил, что Великобритания придерживается формулы 10 июля 1934 г., и напомнил, что такой подход всесторонне учитывает заинтересованность Германии в равноправном положении в системе безопасности. Саймон ссылаясь на схожесть схемы восточноевропейской безопасности с Локарно, верность которому Гитлер подтверждал. Ответ немцев сводился к тому, что пакт Германии не нужен и опасен. Гитлер торжественно заявил, что никогда не нападет на Россию, тогда как нацелившемся на захват Европы большевизму

— 147 —

новый договор лишь способствовал бы. К попытке разыграть "антисоветскую карту" английские руководители были подготовлены (15). Иден возразил: большевизм не является международной проблемой. У России, подчеркнул он, больше, чем у любой другой страны, оснований быть поглощенной внутренними делами, используя для своего развития огромные территории, которыми она обладает. Саймон указал на беспокойство, рождаемое в Англии пропагандой идей Розенберга. Вместо ответа собеседники широко улыбнулись (16). Английские руководители поставили под сомнение искренность опасений немцев в отношении СССР, отметив, что они должны были бы побудить Германию к участию в Восточном пакте. В заключение Саймон задал вопрос о возможности заключения договора ненападения и консультаций в Восточной Европе, некоторые участники которого приняли бы обязательства взаимной помощи. Гитлер высказался против, но не был категоричен. На следующий день англичанам был вручен германский проект Восточного пакта ненападения, консультаций и неоказания помощи агрессору.

Особый интерес для правительства Великобритании представляло отношение Германии к переговорам по подготовке новой морской конференции. Хотя Саймон сделал оговорку, что англо-германские консультации по сопоставлению программ военно-морского строительства, если они состоятся, не предрешали бы вопрос об отмене версальских ограничений для немецкого флота, британское приглашение к таким консультациям имело для Гитлера большую ценность. Он ответил согласием (17).

На последнем заседании был обсужден вопрос о перспективах воздушного пакта. Гитлер подтвердил, что его правительство продолжает поддерживать этот план, готово в любой момент подписать воздушную конвенцию, и выразил сожаление, что Англия считает невозможным

— 148 —

продвижение к ней вне рамок коммюнике от 3 февраля. Он также отметил, что согласен обсуждать ограничение разрушительной мощи ВВС и выступает за отказ всех государств мира от бомбардировочной авиации. Английские министры воздержались от обсуждения деталей воздушного пакта и обмена проектами, ограничившись обещанием довести мнение канцлера до

⁴ См. также заявление Д. Саймона перед отбытием из Лондона /142–146/.

⁵ Вероятно, сходной позиции придерживался У. Черчилль, в своих мемуарах назвавший берлинский визит "несвоевременной, но не бесплодной поездкой".

сведения коллег /12,2–1078/.

В заключительном слове Д.Саймон заявил, что для британской стороны визит явился полезным, но он и его коллеги не могут скрыть некоторого разочарования скудностью конкретных итогов /12,2–1079/. При обсуждении Дунайского пакта англичане подтвердили заинтересованность в сохранении независимости Австрии, Гитлер заверил, что никогда не нападет на нее и в принципе готов участвовать в договоре о невмешательстве в ее внутренние дела. Его заявление сопровождалось, однако, крайне двусмысленными высказываниями и указанием, что активную роль в подготовке Дунайского пакта должны играть лишь его инициаторы – Италия и Франция. Участники бесед согласились, что главная трудность состоит в определении понятия "невмешательство". Англичане, с удовлетворением писал в циркуляре зарубежным представителям рейха Нейрат, "немногое сказали в пользу Дунайского пакта" /12,2–1097/.

Отрицательный ответ Гитлера на третий вопрос Саймона – о возможности возвращения Германии в Международную Организацию – был аргументирован прежде всего несправедливым распределением колоний. Получение их Германией, обещал Гитлер, приведет к прочной дружбе между Лондоном и Берлином. Канцлер не скупился на обещания уважать и поддерживать основы Британской империи. Его собеседники проявит твердость. Саймон указал, что немцам не следует питать надежду на удовлетворение Соединенным королевством их колониальных притязаний /12,2–1064; 11,12–727/.

— 149 —

Трехчасовое обсуждение проблемы заключения конвенции об ограничении и сокращении вооружений также не принесло облегчения англичанам. Под аккомпанемент утверждений о немыслимости англо-германской войны и подготовке России к походу на запад Гитлер заявил, что минимальным пределом роста рейхслюфтваффе является уровень, достигнутый ВВС Франции. Он бросил фразу, что в области военной авиации паритет с Англией уже достигнут немцами. Возможность количественного ограничения сухопутных сил Гитлер, отверг, качественные ограничения согласился рассмотреть лишь при выполнении другими государствами заведомо неприемлемых условий. Итоговое коммюнике состояло из нескольких малозначащих протокольных фраз /14–75/. Возможность практического соглашения с Германией оказалась ограниченной рамками консультаций по морским вопросам. Линия Гитлера в отношении Дунайского и Восточного пактов, Лиги Наций, проблемы вооружений и порядка подготовки воздушной конвенции не претерпела в ходе бесед существенных изменений. Впервые на официальном уровне англичанам были предъявлены требования согласиться на фактическое превосходство рейха над Францией, и о предоставлении ему части колоний европейских держав.

В Берлине британские представители в целом твердо придерживались политических установок правительства, данных Франции, Италии, СССР обещаний, не дали увлечь себя призывами участвовать в разделе сфер влияния. Не меньшее значение, однако, имели отрицательные стороны их поведения на переговорах.

Англичане проявили опасное хладнокровие при обсуждении наиболее актуальных проблем, уже поставленных развитием германской политики. Саймон и Иден промолчали, когда Гитлер свел свое участие в австрийском путче 1934 г. к посылке 2-3 дивизий для противодействия мобилизации сил Муссолини. При этом Гитлер рассуждал

— 150 —

о невозможности долго терпеть правительство Шушнига. Министры не сочли нужным обратить внимание на то, что, заявив о невозможности войны между Германией и Чехословакией вследствие наличия арбитражного договора между ними, Гитлер воздержался от декларирования миролюбия в отношении этой страны (19). Они вяло реагировали на утверждения немцев, что пакт о ненападении с Литвой не может быть подписан, пока нарушаются особые права германского меньшинства. Гитлер не мог не утвердиться в мысли, что прикрывающаяся нерешенностью в соседних странах национального вопроса агрессия против них не вызовет решительного отпора Великобритании.

В своих высказываниях английские руководители недостаточно учли принципиальную перемену в международном положении рейха после разрыва военных постановлений Версаля. Предостережение о неизбежности складывания направленного против Германии блока государств, если она продолжит уклонение от европейского сотрудничества, прозвучало как прояв-

ление тревоги расположенной к гитлеровскому руководству Англии. Заявления британской стороны в основном не выходили за рамки выяснения позиции Гитлера. В подготовленном для Саймона еще 14 марта меморандуме Форин Офис о тактике ведения бесед подчеркивалось, что в ее основу должен быть положен принцип: претензии и пожелания высказываются немцами, тогда как Великобритания защищает общепризнанные нормы цивилизованных отношений /11,12—633-634/⁶. На деле произошло обратное. Сохранял после беспрецедентной акции 16 марта верность решению об информационном характере переговоров и выступив на них в роли призывающего к благоразумию посредника, Англия проявила несомненную слабость (20).

— 151 —

Опасность складывающегося положения осознавалась британскими участниками переговоров, как, впрочем, и многими наблюдавшими за ними соотечественниками /24—144; 87—30.03.1935—709/. Обдумывая их итоги в шедшем на восток экспрессе, А.Идеи писал старшему коллеге: "Очевидна важность вопроса: существует ли сейчас основа, всеобщего европейского урегулирования? Год назад я верил, что такая основа имеется, но в высшей степени трудно утверждать, что она сохраняется ныне... Наша позиция не может далее оставаться позицией честного посредника. Мы оказались втянуты в игру. В этих условиях остается рассмотреть, может ли не быть лишь одной возможности напиши действий - объединиться с государствами, входящими в Лигу наций, вновь подтверждая нашу веру в этот институт и нашу решимость защищать принципы Ковенанта" /11, 12-752/⁷. Д.Саймон в свою очередь полагал, что "практические результаты нашего берлинского визита" выглядят "довольно безнадежно, ибо, если Германия откажется сотрудничать в сохранении европейской солидарности, остальным государствам придется в этих целях объединить усилия вопреки Германии... Возможно, что иного пути нет, но обеспечит ли он сохранение мира? Это мне представляется в высшей степени сомнительным" /51—203/⁸. Во всяком случае, госсекретарь счел нужным предостеречь Идена от самостоятельных действий и ответил ему напоминанием, что до совещания в Стрезе представители британского правительства не могут принимать на себя какие-либо обязательства /11,12—820/. Политический смысл московских переговоров в этих условиях сводился прежде

— 152 —

всего к взаимным попыткам выяснить, каково направление эволюции внешней политики партнера и на какой основе возможно сотрудничество Англии и СССР в интересах сдерживания Германии.

В первой двухчасовой беседе Литвинова и Майского с советской стороны, Идена, Чилстона, сотрудника Форин Офис Стрэнга – с английской, состоявшейся 28 марта, министр представил подробную информацию о переговорах в Берлине. Гитлер, сообщил он, категорически против Восточного пакта взаимопомощи, но готов рассмотреть коллективный пакт о ненападении и консультациях, тогда как британская сторона, сделав "большое ударение на Восточном пакте", "воздержалась от высказывания своего собственного мнения о ценности и значении каждой формы" /5,180—229/⁹. Это побудило Литвинова подчеркнуть ценность обязательств взаимной помощи как "прекрасной превентивной меры". Идеи выразил согласие, обещал уточнить позицию Польши в отношении Восточного пакта и поинтересовался, "как советское правительство представляет себе дальнейший ход развития, если бы Германия и Польша все-таки отказались подписать Восточный пакт". Ответ наркома был недвусмысленным: "В этом случае, очевидно, пришлось бы заключить Восточный пакт без Германии и Польши. Он потерял бы от этого 50 процентов своей ценности, но другого выхода все-таки нет". Литвинов дважды (28 и 29 марта) ставил перед собеседниками вопрос об отношении британского правительства "к возможности заключения такого пакта без Германии". Иден реагировал в соответствии с инструкциями, выразив все же личное согласие /5,18—236, 261/.

⁶ См., также мнение Дж.-Р.Макдональда /357—301/.

⁷ На телеграмме Идена постоянный заместитель госсекретаря оставил пометку: ".Эти взгляды представляются вполне обоснованными" /37—142-143/.

⁸ См. также: /15,1935,1-249; 54-512/.

⁹ Более точно передает высказывания Идена английский вариант записи беседы. Иден правдиво информировал руководителя НКВД о берлинских беседах /11,12—773/.

На приеме министра Сталиным и Молотовым 29 марта (в кабинете Председателя СНК находились все участники предыдущих бесед) акценты были расставлены иначе. Воспользовавшись тем, что диктатор заговорил о достоинствах, регионального соглашения, Идеи сам поставил острый вопрос: должна ли в нем участвовать и Германия Согласно официальной записи Сталин заявил, что пакт мыслится им "с Германией, конечно, – с Германией". "Мы не стремимся к изоляции Германии, – продолжал он, – ...такой великий народ, как германцы, должен был вырваться из цепей Версаля. Однако формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу, и для того, чтобы предупредить возможность каких-либо осложнений, сейчас нужна известная страховка. Такой страховкой является Восточный пакт взаимной помощи, конечно, с Германией, если к тому имеется какая-либо возможность" /5,18–249/.

"Сталин, вероятно, более внимателен к точке зрения Германии, чем мсье Литвинов", -- сообщал правительству Идеи, в том, что касается международных проблем, "его симпатии выглядят шире, чем симпатии Литвинова" /11,12–767,769/¹⁰. Британские представители получили обширный и противоречивый материал для гаданий о перспективах советско-германского сближения (21). Если Сталин давал понять, что при отсутствии со стороны Англии должного понимания озабоченности Советского Союза своей безопасностью сближение с Гитлером будет для него не слишком трудным делом, то Литвинов стремился побудить британское руководство к проведению более последовательной

(и потому более притягательной для Сталина) политики коллективной безопасности. Нарком проявил понимание психологических установок английских лидеров, подчеркивал опасность планов Гитлера для интересов Запада /5,18–235/. "Правительство его величества испытывало один метод, – говорил Литвинов. – Сейчас ему следует испробовать другой" /11,12–790/. В отличие от стоявших над ними лидеров, Иден и Литвинов понимали друг друга, но эта ключевая мысль нашла лишь сдержанное воплощение в совместном итоговом документе (22).

В обнародованном 1 апреля коммюнике отмечалось, что "в нынешнем международном положении более чем когда-либо, необходимо продолжать усилия в направлении к созданию системы коллективной безопасности в Европе, как это было предусмотрено англо-французским коммюнике от 3 февраля и в согласии с принципами Лиги нации". Советская сторона не предложила компромиссной формулы Восточного пакта, на что надеялись англичане /11,12–13/; об участии Германии и Польши говорилось, что оно "приветствовалось бы как наилучшее решение вопроса".

Визит Идена в Советский Союз вышел за рамки исследовательской миссии. Впервые в официальном англо-советском документе решительно констатировалось: "...в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в вводном из основных вопросов международной политики"¹¹ ...этот факт создает прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества между ними.

Они уверены, что обе страны, в сознании того, что целостность и "преуспеяние каждой из них. соответствует интересам другой"¹², будут руководствоваться в их взаимных отношениях тем духом сотрудничества и лояльного выполнения принятых ими. обязательств, который ...вытекает из их общего участия в Лиге наций". Означая полную нормализацию англо-советских отношений (23), это заявление содержало сильный европейский заряд. Оно демонстрировало наличие у Великобритании и СССР потребности и воли к сближению на основе про-

¹⁰ Иден, впрочем, ни тогда, ни в период написания мемуаров не смог удовлетворительно истолковать различие во взглядах советских руководителей. См. также: /15,1935,1–251/.

¹¹ Наряду с европейской политикой на переговорах рассматривалось также положение на Дальнем Востоке, По нему была отмечена большая близость позиций СССР и Великобритании /5,18–239/.

¹² Примечательно, что аналогичное заявление Франции и СССР появилось полутора месяцами позднее /5,18–337/.

тивоедействия агрессивным намерениям Германии, акцентировало сохранение в британской политике линии на защиту коллективной безопасности¹³. Прощаясь утром 1 апреля на Белорусском вокзале с Иденом, Литвинов сказал ему: "Делаю Вам успеха. Отныне Ваш успех будет и нашим" /276–543/ (24).

Вместе с тем визит Идена не принес ощутимых непосредственных выгод искавшей компромиссного решения проблем Европы британской дипломатии. По существу безрезультатными оказались проходившие в дружеской обстановке беседа А.Идена с руководителями Польши¹⁴, главной темой которых также являлся Восточный пакт. Ю.Бек подтвердил отказ от участия в Восточноевропейском договоре взаимопомощи. Идеи не настаивал, проявив "большое понимание точки зрения Польши"/11, 13–8/.

— 156 —

Избегая конфронтации с "поляками, Иден в то же время старался убедить собеседников в отсутствии у СССР имперских замыслов в отношении Польши, подтолкнуть их к наметившейся в Париже и Лондоне (в конце марта – и в Берлине) перспективе регионального пакта ненападения с факультативным принятием обязательств взаимопомощи. Польский министр иностранных дел сказал, что "не думает, что у него появятся какие-либо серьезные принципиальные возражения относительно такой процедуры", но, как и прежде, сопроводил ответ множеством оговорок /11,12–800/ (26).

Последовавший за посещением Варшавы визит небольшой британской делегации в Прагу был еще менее продуктивен (да и задумывался как уравнивающий переговоры с Бекком и создающий симметричность турне, в целом дипломатический жест)¹⁵. Визиты в Варшаву и Прагу, являясь вежливой проекцией миссий в Берлин и Москву, подчеркнули политическую дистанцию между главными участниками международной борьбы в Восточной Европе.

Англо-французские подготовительные беседы и официальные переговоры конца 1934 – начала 1935 гг. были внешне успешной, но запоздалой попыткой создать общеевропейскую схему урегулирования при акценте на обеспечение безопасности стран Запада. Одностороннее расторжение военных статей Версальского договора Германией, встречи в Берлине и Москве показали практическую неосуществимость всеобщего урегулирования в близком будущем. Англия откровеннее, чем когда-либо прежде, признала свою заинтересованность в сохранении мира на Востоке, растущую значимость для нее этого региона как слабого звена шатавшегося европейского порядка.

— 157 —

Лондонское коммюнике знаменовало частичное возрождение ориентации Великобритании на поиск баланса интересов как равноправной по отношению к политике столетнего сдерживания Германии. Начатые в Берлине и продолженные в Москве обсуждения заставляли английское руководство, острее и глубже задуматься: возможно ли достичь согласования жизненно важных интересов Великобритании и Германии при нынешних ее правителях, не приведет ли такая политика к тому, что русские сговорятся с немцами, причем сделают это быстрее и легче, чем англичане, и за их счет (27). Брожение в умах британских политиков и дипломатов усилилось. Лондон вновь оказался на распутье.

§ 2. Стрeza и пакты безопасности

После Саарского плебисцита влияние поворота во внутреннем положении и внешней политике Германии (происшедшего во второй половине 1934 г.) на международные отношения стало очевидным, вступление европейской системы в новый этап разложения – несомненным. Все это усугубилось провозглашением ремилитаризации рейха и неконструктивной позицией

¹³ К такой оценке приводит и сравнение Московского коммюнике с сообщениями о беседах англичан в Берлине (от 26 марта) и Варшаве (от 3 апреля) /14–75, 77/.

¹⁴ Идена принял даже смертельно больной маршал Пилсудский. Подробнее об обстоятельствах пребывания министра в Варшаве см.: /189-102-105/.

¹⁵ О беседах Идена с Бенешем см.: /205–330/.

Гитлера в беседах с британскими представителями. Воздействие переговоров конца марта 1935 г. на истеблишмент было велико; демагогия Гитлера не обманывала большинство британских политиков (28). Германия убеждена, с горечью говорил Саймон французскому послу 1 апреля, что никакое внешнее давление не может помешать ей вооружаться и дальше /11,12–796/.

"Я давно придерживаюсь мнения, что в действительности мы вернулись ко временам баланса сил", – писал, солидаризируясь с Ванситгартом, в конце февраля заведующий Северным отделом Форин Офис Л.Колье /381–87/. Месяц спустя не признавать бесперспективности политики баланса интересов стало для британского руководства, казалось бы, невозможно.

— 158 —

"...Не существует в настоящее время метода, с помощью которого можно было бы достичь справедливости в отношениях между нациями", – утверждалось в редакционной статье вестника военных ведомств Великобритании /86–4.04.1935–264/ (29).

Настойчиво отстаивал изложенную в "московской" телеграмме мысль о перемене британской политики А.Иден /11,12–845/. В меморандуме кабинету¹⁶ от 7 апреля лорд-хранитель печати предлагал: "Нам следует проявить твердость в защите коллективного мира. Если мы не дадим себя запугать или ослабить растущие требованиями Германии, если на время мы сумеем перестать быть честными посредниками и станем честно смотреть в лицо правде, тогда я уверен, что нет оснований глядеть в будущее с тревогой" /11,12–847/. Есть основания полагать, что к изложенному Иденом мнению в начале апреля склонялись – хотя и не были готовы основываться на нем – Макдональд¹⁷ и, по всей вероятности, Н Чемберлен /15,1935,2–324; 299–48; 340–142-143/. Д.Саймон, напротив, полагал, что корректировка внешнеполитического курса должна быть минимальной и поиск соглашения с Германией остается одной из главных задач (30). Неуверенное поведение госсекретаря в Берлине и высказываемые им по возвращении на родину сомнения окончательно скомпрометировали его. В дипломатических кругах, причем не только Лондона, появились

— 159 —

слухи о расхождении Саймона с Макдональдом и Иденом /15, 1935,2–327; 72–318/. В начале апреля 70 членов палаты общим от консервативной партии во главе с О. Чемберленом потребовали удаления Саймона с поста руководителя внешнеполитического ведомства.

В беседе со своим бывшим госсекретарем Болдуин признал, что кабинет более не доверяет Саймону /326–63/. Сторонники соглашения с немцами на базе "позитивных" высказываний Гитлера по проблеме вооружений, Восточного пакта ненападения, воздушной конвенции не находили никаких аргументов против ужесточения английской политики, кроме апелляции к здравому смыслу. "Мы обязаны не упустить этот, возможно последний, на годы вперед, шанс достижения урегулирования", – повторяя стершиеся после употребления в многочисленных дискуссиях слова, писал Хэнки в меморандуме правительству 3 апреля /187–177/. Ни один из членов кабинета не посмел открыто солидаризироваться с этими взглядами (31).

Итак, события марта продемонстрировали, что неэффективность британской внешней политики возрастает, ее сохранение не позволяет избежать катастрофы. Перед Англией не оставалось никаких принципиальных возможностей модификации политики, кроме подчинения линии на поиск баланса интересов и договоренность с Германией курсу на сдерживание Германии как национальными оборонительными средствами, так и посредством политического взаимодействия с другими заинтересованными в безопасности и коллективном мире государствами. Это означало бы переход от сочетания политики балансов с политикой коллективной безопасности к следованию второй.

Иден справедливо доказывал, что лишь она (пусть даже в специфической британской форме, т.е. без принятия на себя прямых обязательств помощи каждой из европейских стран

¹⁶ Иден вернулся из поездки крайне усталым и больным. Ему был предписан двухнедельный покой. Поэтому он подготовил письменный вариант заявления, которое он прежде намеревался сделать на заседании кабинета по выработке позиции на конференции в Стресе и сессии Совета Лиги Наций.

¹⁷ Позиция Макдональда в начале 1935 г. стала предельно противоречивой, но в рассматриваемый краткий период сдвиг к реализму в ней все же произошел См.: /179–772–773/.

/11,12–847/) может отвратить войну. Руководители страны отстранились от

— 160 —

рассмотрения предложений Идена (32). Это может быть объяснено приверженностью элиты соображениям о недопустимости проведения Англией силовой политики как требующей от нее глубоких внутривластных реформ и как способной вызвать мировой катаклизм (33). Между тем в условиях весны 1935 г. и позднее курс на обеспечение коллективной безопасности, по своему практическому выражению почти "совпадал с чисто силовой политикой в отношении Германии. Уроки начала XX века мешали руководителям Англии, столкнувшимся с небывалым явлением – агрессивностью высокоразвитой страны с тоталитарным режимом – сделать соответствующий ее интересам выбор.

Второй вариант, к которому подталкивал Великобританию Гитлер в беседах, с руководителями ее дипломатии, состоял в том, чтобы подчинить политику баланса сил договоренности с Германией. Ее условием был отказ Англии от защиты интересов безопасности Восточной Европы ради примирения на Западе при признании рейхом внеевропейских интересов партнера. Эта идея представляла пародию на принцип баланса интересов и игнорировала традиционную константу любой государственной политики - недопущение возможности чужого диктата. Разграничение безопасности страны и общеевропейской стабильности отвергалось Лондоном как неприемлемое (34). "...Целью внешней политики- Великобритании, подтверждалось решением кабинета 8 апреля, является обеспечение мира на основе "некоей системы коллективной безопасности, подчиненной Лиге наций..." /11,12–822/.

Британские лидеры предпочли третий путь: политика балансов, увязываемая с международной концепцией коллективной безопасности, должна по-прежнему составлять основу стратегии. Принимая 8 апреля решение о линии поведения английской делегации на совещании в Стресе, кабинет постановил, что в случае внесения Италией и Францией предложений о радикализации совместной политики в отношении Германии

— 161 —

они должны быть отвергнуты. "Мы не можем согласиться на полный разрыв с Германией и отказ от каких бы то ни было акций помимо угроз...", – отмечалось в приводимом В.Я.Силлсом протоколе заседания. – Мы не должны скрывать, что намерены сделать Германии новые предложения" /249–96/. Это был путь самообмана и откладывания выбора, подсказываемый доводимым до абсурда здравым смыслом поиск технического решения политической проблемы. Страшась – при всем различии своих убеждений и темпераментов – исторической ответственности за смену сложившегося курса, Макдональд, Болдуин, Саймон и Чемберлен удовлетворились этим подходом. "Большая стратегия кабинета осталась неизменной", – отмечает К.Барнетт /263–405/¹⁸.

В центре внимания британской дипломатии оказались вопросы частичного обновления программы 3 февраля. В Форин Офис пришли к выводу, что заключение воздушного пакта с участием Германии вне общей схемы соглашения является "в любом случае недостижимой целью" /11,12–826/ и основное внимание следует уделить другим проектам. Инициативу продвижения Дунайского пакта англичане по-прежнему считали правильным сохранять за Италией и Францией. Подготовка к франко-итало-британской встрече свелась поэтому преимущественно к поиску компромиссной формулы восточноевропейской безопасности и гарантий Франции. Предложения Форин Офис по Восточному пакту, утвержденные правительством 8 апреля, не содержали принципиальной новизны. Британским представителям поручалось отстаивать такое формулирование системы обязательств, которого позволило бы участвовать в ней, хотя бы отчасти. Германии и Польше. Парижу рекомендовалось согласиться с идеей Восточного

— 162 —

пакта о ненападении и консультациях, допускающей соглашения о взаимопомощи между некоторыми его участниками. Англия должна была выразить готовность поддержать франко-советский пакт взаимопомощи при условии подчинения его механизма решениям Совета Лиги наций. Наконец, должна была быть найдена такая формула пакта, которая бы не позволила через механизм локальных обязательств вовлечь Англию в военный конфликт помимо ее воли

¹⁸ См. также: /290–153; 299–48–49/.

/11,12–829-830, 821, 831/ (36). В целом же было постановлено, что окончательная позиция делегации правительства будет определяться в ходе обсуждения на конференции (37). Отвечая 9 апреля, на вопрос лидера парламентской оппозиции, Д. Саймон, впервые официально сообщив об итогах переговоров в Берлине, Москве, Варшаве и Праге, указал, что "правительство еще не сформулировало своего подхода к этим беседам..." /1,300–986/. Попытки Лэнсбери, Мэкстона и даже Остина Чемберлена добиться более определенных высказываний госсекретаря успеха не имели.

Осторожной, внешне беспристрастной линии придерживались английские руководители и на состоявшемся 11-14 апреля совещании в Стрезе. Оно открылось речью Макдональда, напомнившего о целях встречи, и отчетом Саймона о беседах с рейхсканцлером. Основное внимание было уделено перспективам Восточного пакта. Госсекретарь подчеркнул, что Гитлер не отверг сочетания многостороннего договора ненападения с факультативными обязательствами взаимной помощи, хотя и назвал его "опасным и вызывающим возражения" /11,12–716, 864/. По мнению правительства его величества, Германия не имеет права настаивать на недопустимости "надстройки" обязательств взаимной помощи над многосторонним пактом ненападения, сообщил Саймон, "общественное мнение Великобритании не согласится с тем, что Германия может отвергнуть весь пакт лишь на том

— 163 —

основании, что другие его участники желают идти дальше, чем она сама"; следовательно, предлагал государственный секретарь, необходимо еще раз уточнить позицию Берлина /11,12–866/.

Этот подход не противоречил интересам безопасности СССР, Франции, государств Восточной Европы и даже представлял для них некоторые преимущества перед двусторонними пактами СССР, ЧСР и Франции. На рубеже марта-апреля Москва и Париж договорились перевести в практическую плоскость обсуждение пакта взаимопомощи между ними независимо от окончательного решения Германии и Польши. 9 апреля с одобрения совета министров и под давлением представителей Советского Союза и Малой Антанты Лаваль принял обязательство "подписать с СССР двусторонний пакт взаимопомощи не позднее 1 мая с.г., уточняя, что этот документ вступит в силу как акт, не зависимый от возможных позднейших актов" /5,18–280/. Советское руководство, тем не менее, желало обеспечить коллективный характер договора и ради этого было готово пойти в направлении, предлагавшемся ранее Францией и Великобританией (38). Предложение Д. Саймона могло, однако, создать серьезные препятствия скорейшему оформлению франко-советского пакта, если бы Берлин решил настаивать на его увязывании с многосторонними обязательствами ненападения. Этого не случилось. Отвечая на британский запрос, Нейрат 12 апреля официально заверил, что рейх готов участвовать в Восточном пакте ненападения. Германия соглашалась на заключение договоров взаимопомощи между некоторыми его участниками, при условии, что те и другие обязательства будут воплощены в "совершенно отдельных документах" и не будут оформлены одновременно /11,12–857-858; 12,4–44-45/. Разъяснение Нейрата 14 апреля было подкреплено публикацией заявления имперского правительства /12,4–51-53/ (39). Неожиданное заявление Берлина /11,12–866/, отметил на конференции Лаваль, расчищало путь

— 164 —

к двусторонним договорам взаимопомощи. С другой стороны, оно должно было способствовать англо-германской разрядке и затруднить обсуждение тремя державами вопроса о возможных санкциях в связи с «введением всеобщей воинской повинности в Германии (40). Действительно, немецкий ответ, демонстрировавший как будто правоту Саймона, повлиял на тональность дискуссии в Палаццо Борромео.

Английская делегация отвергла предложение Фландена и Лавалья осудить акцию 16 марта, не дожидаясь сессии Совета Лиги. Было решено принять резолюцию лишь от имени руководящего органа Лиги Наций /11,12–881-882; 147–613/. Муссолини поддержал настояния французских лидеров предать планам воздушного соглашения более четкую оборонительную направленность, но Макдональд и Саймон отказались отступить от своей февральской позиции /11,12–903/. В итоге резолюция совещания лишь упоминала о возможности двусторонних соглашений в качестве дополнения к воздушному пакту пяти государств. При обсуждении Ду-

найского пакта Макдональд подтвердил намерение своего правительства оставаться в "положении государства, которое благословляет и одобряет" договор, "не принимая более каких-либо обязательств" /11,12–888/ (41). Британский подход возобладал и при рассмотрении вопроса о нарушении прав немецкого меньшинства в Мемеле /11,12–906, 908/.

Благодаря совещанию в Стрезе удалось достичь большего сплочения главных оппонентов Германии на Западе, Начатый в январе 1935 г. визитом Лавалья в Рим процесс выработки их общей стратегии продолжал развиваться по восходящей. "Три государства, представленные на конференции, – указывалось в парламентском заявлении Макдональда 2 мая, – покинули ее не как обособленные элементы целого, разбитого несомненными трудностями..., но как объединение государств, обещавших держаться вместе и пытаться найти мирное решение проблем /1,300–1851/.

— 164 —

Заключительная декларация Франции, Англии и Италик провозглашала "полное согласие" между ними "применять все надлежащие, меры против какого бы то ни было одностороннего расторжения договоров, могущего создать опасность для мира в Европе. В этих целях они будут действовать в тесном и сердечном сотрудничестве" /83–1935,5–141/. Конференция предопределила принятие Советом Лиги постановления, которое квалифицировало расторжение военных статей Версаля 16 марта как незаконное и как "угрозу европейской безопасности". Женевская резолюция предусматривала создание Комитета для разработки мер по уточнению экономических санкций на случай одностороннего отклонения международных обязательств в будущем /7, 10–276-277/.

Сдвиг в позиции британского руководства возбудил большие надежды среди "радикалов" Форин Офис" (42). Однако модель внешней политики Англии не претерпела в Стрезе коренных изменений. В ходе дискуссии англичане ясно дали понять, что надеются на примирение с Германией и решения совещания рассматривают главным образом как "средство убедить Гитлера в нереалистичности его намерений. В апреле 1935 г. наилучшие декларации не могли этого достичь¹⁹. Присутствовавший в Стрезе в качестве наблюдателя Ю. Бек вынес оттуда впечатление, что каждая из трех держав ищет сепаратного соглашения с немцами, а совместные декларации "скорее всего не имеют большой практической ценности" /72–527/. Действительно, из второго умозаключения почти неизбежно вытекало и первое – весьма важное для ориентации Польши и других восточноевропейских государств, втягиваемых в германскую орбиту. "Многие полагали, – признавал премьер-министр, –

— 166 —

что сложившиеся ко времени совещания новые условия вызовут новые обязательства со стороны правительства его величества. Мы не приняли никаких" /1,300–1851/²⁰.

Быстрый распад "фронта Стрезы" подталкивает к беспощадной и уничижительной оценке решений конференции. К ней вслед за Ф.Шуманом /355–135/ прибегают Дж.Скотт /357–306/, М.Бомон /264–129/ и другие историки. По мнению автора, рассматривая итоговые материалы совещания, правильнее было бы (как то делает, в частности, Э.Робертсон /346–62/) говорить о недостаточности сделанных в правильном направлении шагов, о слабостях, порожденных тем, что "фронт Стрезы" начал свое существование с обороны (43). Собравшись для выработки линии поведения перед лицом агрессивной Германии лидеры трех держав не только не капитулировали перед нею, но и не закрыли возможность перейти в активное наступление в будущем²¹. Сдержанно-положительной оценке конференции препятствует два обстоятельства²², из которых одно имело едва ли не решающее значение для исхода европейского противоборства в тридцатые годы: в Стрезе Англия и Франция потеряли (и не смогли вернуть ни в декабре 1935 г., ни в апреле 1938 г.) третьего союзника – Италию.

¹⁹ См. замечания британского посланника в Праге Дж. Аддисона. /299–54/.

²⁰ Особое заявление Италии и Англии о решимости выполнять обязательства гарантов Рейнского пакта в значительной мере являлось спекуляцией на неповоротливости механизма выполнения этих обязательств и не вносило ничего нового. См. также: /52–519/.

²¹ См. также: /26–166; 173–256/.

²² О втором см. Приложение 38.

Муссолини прибыл на совещание исполненным желанием добиться суровых мер в отношении Германии и выступал на нем, как отмечает

— 167 —

современный польский историк, "главным защитником системы коллективной безопасности" /321–169/ (44). Диктатор, симпатизировавший Макдональду и Ванситарту /53–518/, надеялся, что сумеет обеспечить решающий сдвиг в британской позиции (45). Англичане не поддержали призывов ввести санкции против Германии, проявили холодность к Дунайскому пакту²³. Это было еще полбеда.

Английские представители в Стресе фактически отказались пойти навстречу Италии в другом, потенциально не менее важном вопросе – обсудить приемлемые для них пределы итальянской экспансии в Абиссинии. Послы Италии в Лондоне и Великобритании в Риме Д. Грандп и Э. Драммонд настаивали на откровенной дискуссии, справедливо полагая, что затягивая ответ на просьбу Муссолини 28 января сообщить о британских интересах в Северо-Восточной Африке, Англия сама подталкивает Италию к нарушающему сотрудничество двух стран действиям /347–136-137/. Р. Ванситарт согласился включить в состав делегации двух экспертов по африканским делам. Они провели конфиденциальные встречи с итальянскими коллегами. 13 апреля заместитель госсекретаря был ознакомлен с заявлением Гварначелли, что его правительство не может "исключить возможность решения эфиопского вопроса силой", но не стал настаивать на его обсуждении Саймоном /347–130-131; 350–150/. Позднее Муссолини самодовольно рассказывал, как ему удалось заменить в проекте коммюнике фразу о приверженности трех держав защите мира где бы то ни было формулой "мир в Европе". Эта версия была принята мемуаристами и историками²⁴. На деле, как показал Э. Робертсон, формулировка "мир в Европе" имела в составленном самими англичанами проекта коммюнике.

— 168 —

Муссолини решил, что не только Франция, но и Англия предоставили ему свободу рук /347–131/. Этого вероятно, и добивался Ванситарт, про себя уже решивший пожертвовать Эфиопией для неизменно отстаиваемого им сотрудничества с Италией по сдерживанию Германии (47). Британское правительство и даже Форин Офис так не считали и к июню 1935 г., пришли к выводу о необходимости противодействовать эскалации итало-эфиопского конфликта. К тому времени, однако, Муссолини уже слишком втянулся в завоевательную стратегию и не мог отступить без ущерба для своего авторитета в Италии и Европе. Полугодовое молчание, оказавшийся ложный недвусмысленный намек Великобритании на апрельской конференции подталкивали фашизм к агрессии в Африке, а она в свою очередь положила начало переориентации Муссолини на тесное сотрудничество с Германией. Позиция Ванситарта, при всем вытекающем из ее принятия морально-политической ущербе концепции коллективной безопасности, была последовательна и во многом разумна /52–46; 53–518/. Обоснован был и подход Идена, призывавшего премьер-министра и госсекретаря обсудить эфиопский вопрос на двусторонней встрече с итальянцами в Стресе /37–200; 298–50-51/. Британское руководство повело себя наихудшим образом. Отглаживая принципиальное решение проблемы до лучших времен и лишая свою дипломатию ясных указаний, оно потеряло итальянскую поддержку в Европе²⁵.

Меряя события крупным историческим масштабом, можно поэтому согласиться с замечанием Н. Росту о "фронте Стрезы": "На деле не было фронта, который мог бы распасться" /350–151/. В политико-дипломатической обстановке весны 1935 г. (и несколько позднее)

— 169 —

он – при всех своих изъянах – все же существовал, как показали совместное выступление трех держав на заседании Совета Лиги наций 16-17 апреля 1935 г. (48) и усилия Гитлера разрушить эту солидарность (49). В этих условиях наихудшей для Великобритании политикой, подчеркивал в начале мая личный парламентский секретарь Идена виконт Крэнборн, было начать "шил-ли-шэлли" – колебаться /1, 300–630, 632/. Установки кабинета, принятые 8 апреля и проявившиеся в решениях трехсторонней конференции, обуславливали тленно такой исход.

²³ Подробнее см.: /321–176/.

²⁴ См., например: /163–68; 236–121/ (46).

²⁵ См. также: /264–141/.

С середины весны 1935 г. британская внешняя политика была ориентирована на продвижение к укреплению национальной безопасности как путем осторожного поощрения пактов взаимопомощи на континенте, так и посредством соглашения с Германией по отдельным вопросам. Она приобретала все более прагматичный и экспериментальный характер.

После согласия Гитлера примириться с новыми пактами взаимной помощи у английских правящих кругов исчезли принципиальные возражения против заключения советско-французского договора, хотя радости по этому поводу в Лондоне, разумеется, не испытывал (50). Единственное, что тревожило британских дипломатов, – возможность включения в текст пакта указания на автоматизм обязательств и обещания Франции помогать Советскому Союзу в случае косвенной агрессии против него. Поскольку второе условие Париж в апреле 1935 г., как и ранее, отклонял /248–274/, реальное воздействие на ход переговоров могло оказать лишь несогласие Англии с автоматизмом обязательств (51). Беспокойство Саймона подогревалось попытками Лавалля уклониться от выполнения данного в Стресе обещания – сообщить в Рим и Лондон основные положения договора взаимопомощи до его подписания /11,13–190-191, 227/ – и нежелание советской стороны вносить в пакт

— 170 —

"исключительную ссылку "на Локарнский договор" /11,13–192/. Тревога в Форин Офис не была беспочвенной. 17 апреля М.М.Литвинову "удалось, добиться отказа Лавалля от предлагавшейся им оговорки относительно Локарнского договора" /248–274/. Однако согласованные министрами в тот же день статья 3 пакта и пункт 1 протокола подписания вполне учитывали существо британских и французских обязательств 1925 г.: немедленность оказания помощи сочеталась с необходимостью предварительного обращения Франции и СССР в Совет. Лиги /2,10–154-155/. Согласно советской версии, подписать договор во время пребывания Лавалля и Литвинова в Женеве не удалось по вине французской стороны, предпринявшей 19 апреля попытку ослабить упомянутые обязательства /2,10–155; 248-275/. А.Леже, однако, в беседе с английским послом 27 апреля утверждал, что перерыв в переговорах был вызван недовольством Кремля предложенным Литвиновым вариантом и что из Москвы потребовали придать обязательствам взаимопомощи безусловный характер /11,13–213/. Литвинов, возможно, оказавшийся между двух огней покинул Женеву в крайнем раздражении /11,13–191/. Во всяком случае, демарш Форин Офис 19 апреля (встреча Кэмпбелла с Лаваллем произошла вечером) не являлся причиной размолвки между руководителями Франции и СССР. Так же следует оценить и заявление британского поверенного в делах Лаваллю 27 апреля о нежелательности при подготовке пакта отступать от Ковенанта и Локарно /11,13–212-214/. Позиция французского правительства по существу совпадала с подкреплявшей ее линией Великобритании /5,18–305/. В итоге трактовка помощи в окончательном тексте 2 мая была не менее четко, чем в проекте от 17 апреля /5,18–311/.

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что Англия в конце концов поддержала заключение франко-советского договора,

— 171 —

руководствуясь и тактическими, и стратегическими соображениями – признанной весной 1934 г. заинтересованностью в безопасности как Франции, так и Восточной Европы, от германской агрессии (52). Стремление британского руководства вмешаться в обсуждение его Францией и СССР объясняется подозрительностью в отношениях Лондона, Парижа и Москвы (53), а также желанием ослабить негативное, отношение к пакту Германии, предупредить ее возможные протесты и обеспечить лояльное участие рейха в переговорах о Восточном пакте ненападения и консультаций, по другим волнующим Англию проблемам (54).

В апреле-мае 1935 г. таковой была в первую очередь проблема воздушного пакта²⁶. К концу 20-х годов обладавшая прежде самым крупным воздушным флотом Великобритания опустилась на пятое место среди авиадержав и занимала его на протяжении десятилетия. Между тем в авиационной технике развитых стран были достигнуты исключительные успехи. Вооружения выпуска 1933-1934 гг. оказались "резко отличными от средств самого недавнего про-

²⁶ Как отмечалось выше (гл.1, § I), беспокойство за безопасность Британских островов связывалось прежде всего воздушными вооружениями, которые за два десятка лет покончили с их изолированностью подобно тому, как в следующем двадцатилетии ракетные вооружения – с защищенностью Америки.

шлого" /76–1937, 10–12/. Наиболее стремительно росли возможности наступательной авиации – бомбардировщиков²⁷. Развертывание рейхлюфтваффе в

— 172 —

условиях военно-технического переворота, массовое строительство немцами относительно недорогих бомбардировщиков и переоборудование в этих целях самолетов гражданской авиации заставляли Лондон срочно принижать меры по укреплению безопасности, национальной территории.

В конце марта Гитлер заявил английским министрам, что достиг паритета с Великобританией и имеет в строю 2100 машин (55). Возглавляемое Лондондерри министерство авиации считало, что немцы блефуют и намеренно панику /372–255-257/. Это мнение было встречено Форин Офис в штыки /11,13–195-197/. Саймон и Ванситтарт убедили руководителей кабинета в том, что названные Гитлером цифры близки к истинным (56). Тем не менее Форин Офис и штаб ВВС не смогли добиться решения правительства о срочной передаче вопроса об отставании королевского воздушного флота в Комитет имперской обороны /11,12–854-855; 11,13–286/. В конце мая правительство провело через палату общи дополнительные ассигнования на развитие ВВС. До конца года предполагалось увеличить число эскадрилий "отечественной обороны" с 43 до 54 /84–1935,6–119; 242–43/. Эта полумера не позволяла в близком будущем преодолеть не только предполагаемое, но и в действительности наметившееся отставание от Германии. Несовершенство тогдашних систем ПВО и их дороговизна, осторожность правительства в увеличении бюджетных расходов и другие обстоятельства заставляли искать выхода на путях реализации воздушного пакта. Эта идея была очень популярна весной 1935 г., ее пропагандировали такие несхоже деятели, как евангелист-социалист С.Криппс и У.Черчилль /1,302–1453-1454, 1484/. "Национальное правительство", перед которым уже брезжила перспектива всеобщих, выборов, более чем когда-либо раньше нуждалась в успешной внешнеполитической акции, полезный эффект

— 173 —

которой был бы несомненен для большинства сограждан /299–68; 83–1935/5–9/. Сочетание стратегических и внутривнутриполитических факторов указывало кабинету на воздушный пакт. Его заключение могло предоставить Англии как гарантии против германской атаки, так и шанс ограничить "безумную гонку вооружений" /1,302–1441/. Воздушный пакт, таким образом, воплощал одновременно идею сдерживания Германии и согласование интересов при ее участии²⁸, что позволяло избежать постоянно встававшей перед британским правительством дилеммы.

Дополнительным стимулом усилий Лондона явилось обозначившееся после 16 марта стремление Франции к СССР обеспечить разрядку в отношениях с Германией. На протяжении двух месяцев (вплоть до выступления Гитлера в рейхстаге 21 мая) Сталин и его помощники, частично поддержанные наркомом иностранных дел, демонстрировали уважение германских интересов и старались заинтересовать Берлин новым, учитывающим контрпредложения немцев подходом к Восточному пакту, выгодами двустороннего экономического и военного сотрудничества (58). Заставляла Лондон торопиться и шаткость положения правительства Фландена-Лавала.

После месячного перерыва проблема воздушного пакта была поднята Д. Саймоном в беседе с немецким послом 3 мая. Трудности, стоявшие перед британской дипломатией, носили тройкий характер. Следовало либо изъять вопрос о воздушном пакте из общего пакета 3 февраля, либо добиться ускорения переговоров по Дунайскому и Восточному пакту ненападения; примирить многосторонний характер соглашения с требованием Франции заключить с Англией и Италией двусторонние конвенции; наконец, выработать юридическую формулу,

— 174 —

позволяющую учесть различие положения и подходов пяти государств. Дополнительные слож-

²⁷ По данным советских специалистов, коэффициент боевого использования тяжелых бомбардировщиков в 1930–1934 гг. увеличился с 11,5 до 54,6 условных единиц, тогда как истребителей – с 24 до 32 /76–1937,10–12-13/.

²⁸ См. также: /11, 13–366,393; 180–800/.

ности вызывала расширительная, трактовка – "воздушного Локарно" – включение в него соглашения об ограничении военной авиации²⁹. Пытаясь вновь разыграть роль участника-посредника, Саймон передал фон Хешу предложение прислать англичанам германский проект воздушного пакта /12,4–126/³⁰. Дж. Кларку и Э. Драммонду поручалось выяснить отношение к этой проблеме правительств, при которых они были аккредитованы /11,13–236-237/, 10 мая в Форин Офис подвели первые итоги: ответы Берлина, Рима, Парижа были сочувственны, но скорее отрицательны и плохо стыковались друг с другом /11,13–240-242, 245; 12,4–144-145/. Главное состояло в том, что ни Муссолини, ни Лаваль не соглашались на выделение воздушного пакта из пакета лондонских предложений (59). Это подтолкнуло Саймона обратиться к Гитлеру с пожеланием в связи с предполагаемым выступлением в рейхстаге: он внес бы "ценный вклад" в общее решение, если бы призвал к заключению Восточного пакта, ненападения и поддержал предложения о Дунайском пакте /12,4–145/³¹. Канцлер в выступлении. 21 мая умолчал о Восточном договоре и выдвинул новые препятствия установлению гарантий независимости Австрии. При этом, заявил он, Имперское правительство "готово дополнить Локарнский договор воздушным соглашением и вступить в дискуссию по этому вопросу" /12,4–176; 11, 13–290-291/.

— 175 —

После краткого анализа речи Гитлера правительство Макдональда постановке ускорить переговоры по воздушному пакту /11,13–286/, а на своем последнем заседании 5 июня рискнуло принять решение, что план "воздушного Локарно" отныне "следует рассматривать в качестве отдельного вопроса", вне жесткой увязки с перспективой общего урегулирования /11,13–402, 456/. Правительственная директива сразу же оказалась безжизненной (60). Она указывала не на выход из тупика, а на неразрешимость возникших в ходе переговоров противоречий, о которых, защищаясь от недовольных парламентариев, рассказывал неделей раньше Д.Саймон /1,302–1442-1444/.

Весьма вяло – несмотря на горячее желание правительства – развивавшиеся майские переговоры о заключении воздушного пакта не вышли за рамки предварительных консультаций. Лондон получил германский проект плана, но был вынужден отказаться от активного посредничества между Германией, Францией и Италией в его обсуждении. Документ осел в архиве Форин Офис.

Весной 1935 г. высшее политическое руководство и дипломатия Великобритании продолжали биться над квадратурой круга. В обстановке, когда определилось устойчивое преобладание агрессивных черт в политике Германии и в порядок дня окончательно была поставлена в качестве ключевой проблема пресечения ведущих к войне процессов, они продолжали вести себя так, будто главной задачей являлась реформа межгосударственных отношений на принципах справедливого баланса сил и интересов, добиваться сохранения коллективного мира в условиях, когда создание военной опасности стало сутью политики самой мощной европейской державы. Методами баланса

— 176 —

сил и баланса интересов и даже путем" приспособления к ним элементов концепции коллективной безопасности осуществить это было невозможно. Лондон добивался именно невозможного.

Эти объективные обстоятельства отразились в результатах лондонского совещания и, в еще большей степени, итоговых документах Стрезы. Координируя усилия с другими западными державами и отчасти с Советским Союзом, Англия прежде всего пыталась сохранить неприкосновенность собственной политики от вызова времени. Весной 1935 г. это внешне удалось, но лишь ценой вопиющих противоречий. Стремясь к договоренности с Германией об

²⁹ К концу июня новые руководители министерства авиации и Форин Офис Канлиф-Листер и Хор решили, что эти вопросы должны регулироваться отдельными соглашениями /11,13–460/.

³⁰ В составленной им записи беседы с Хешем Саймон остерегся упомянуть об этом предложении.

³¹ Такие же соображения высказал Э.Фиппс Герингу 14 мая /11, 13–258/.

уважении его жизненных интересов государств Европы в обмен на соответствующие уступки (от которых Гитлер в ходе берлинских бесед вновь фактически отказался), Лондон до последней возможности уклонялся от переговоров с Италией о разграничении второстепенных интересов двух стран в Северо-Восточной Африке (к чему побуждал его Муссолини).

Борясь за придание новым соглашениям коллективного характера, Лондон признал первоочередную необходимость материализации двустороннего военно-политического союза Франции и СССР. Будучи обеспокоено прежде всего национальной безопасностью, сохранением мира на Западе, британское правительство не смогло добиться прогресса переговоров о дополняющем Локарно воздушном соглашении (хотя оно было единственным пунктом лондонской программы, согласие с которым выразили все предполагаемые участники).

Невозможность реализации главной внешнеполитической цели Великобритании – сохранения стабильности в Европе на основе сочетания политики балансов с курсом на обеспечение коллективной безопасности – загоняла британскую дипломатию в тупик. Его наличие к концу весны, как свидетельствует оценки внешнеполитического

— 177 —

руководства Англии, становилось признанным фактом **(61)**. Кризисное состояние британской внешней политики наиболее болезненно проявилось в переговорах о заключении англо-германского морского соглашения, а оно в свою очередь усугубило кризис.

§ 3. Англо-германское морское соглашение и пакты безопасности

Завершение франко-советских переговоров подписанием пакта взаимопомощи, неуспех в продвижении к западной воздушной конвенции создавали крупную диспропорцию в осуществлении намеченной 2 февраля и подтвержденной в апреле программы урегулирования, побуждали британскую верхушку все глубже втягиваться в начатое 9 апреля /11, 12–851-852; 12,4–28/ обсуждение с немцами проблемы морских вооружений и постепенно менять свои подходы к нему,

Поиск договоренности с Германией об ограничении морских вооружений определялся как логикой британской политики весной 1935 г., так и заинтересованностью Лондона в контроле над ними. К середине 30-х годов особые интересы Великобритании на море, в особенности в обеспечении имперских коммуникаций, были по-прежнему неоспоримы. Именно англичане с согласия других держав приняли на себя ответственность за подготовку морского соглашения, долженствующего заменить Лондонский договор 1930 г. Являясь заинтересованным участником начавшегося в 1934 г. обсуждения основ нового, соглашения, британское правительство вместе с тем имело возможность выступить в качестве беспристрастного посредника, стремящегося загодя устранить "европейские препятствия" к созыву морской конференции /12,4–430/ **(62)**. К тому же, постоянно подчеркивавший уязвимость Британских островов и бремя обязательств перед Содружеством Лондон соглашался обсуждать увеличение

— 178 —

ВМС Германки, казалось, приносил в жертву международной разрядке прежде всего собственные интересы **(63)**³².

Политико-дипломатические соображения правительства переплетались с мотивами стратегического характера. Утвержденный в феврале 1934 г. доклад Комитета оборонных нужд при Комитете имперской обороны признал невозможность обладать военно-морскими силами, способными противостоять одновременно Японии и Германии, снял задачу обеспечения "стандарта двух держав". Доклад был тщательно подготовлен и единодушно принят, а выводы положены в основу деятельности соответствующих ведомств. Его авторы полагали, что разрядка в англо-японских отношениях позволит сосредоточить силы британского флота в средиземноморских и североевропейских водах /11,13–929/, безусловно, помня, что в годы мировой войны Великобритании удалось стянуть силы для защиты метрополии лишь благодаря особым соглашениям с Японией и Францией об опеке ими британских путей сообщения в Средиземно-

³² "Морское соглашение не является ни в каком смысле эгоистичным", – подчеркивал С.Хор в своем парламентском заявлении 11 июля /1, 304 – 509/.

море, Тихом и Индийском океанах³³. Действительно, хотя по общему тоннажу ВМФ Великобритании в полтора раза превосходил японский флот, обстановка на восточных флангах Империи складывалась для Лондона драматично (64). В то время как Япония (а также Франция и Италия) после мировой войны вела энергичное строительство современных судов, качественные характеристики британского флота ухудшались. К середине 30-х годов это стало пугающе очевидным (65).

— 179 —

Качественное улучшение отношений с Японией, на которое осенью 1934 г. продолжали делать ставку руководители Форин Офис и Казначейства /11,13–30,62/, оказалось недостижимым. Вслед за неудачей трехсторонних морских переговоров в Лондоне (июль-октябрь 1934 г.) последовала денонсация японским правительством Вашингтонского договора 1922 г. – оно ультимативно требовало военно-морского паритета с Англией и США /253–304–305/. Не содействовало британским планам на Дальнем Востоке и подписание в марте 1935 г. соглашения между Москвой и Токио об уступке Манчжоу-Го прав СССР на КВЖД. Оно смягчило напряженность у границ Советского Союза и указывало на устремленность японского империализма во внутренние области Китая и южные моря /11,13–27, 321/. Лондон, таким образом, весной 1935 г. вынужден был считаться с перспективой военной защиты Империи. Н. Чемберлен, адмирал Чэтфилд, наиболее последовательно отстаивавшие целесообразность сближения с Японией, уступили большинству кабинета, делавшего упор на противодействие ей силой. Внеочередной доклад Комитета оборонных нужд в июле 1935 г. рекомендовал исходить из необходимости обеспечить готовность Великобритании к войне с Японией к 1 января 1939 г. /307–111/. Соглашение с Германией, считало английское руководство, поможет высвободить силы для операций в Тихом океане³⁴.

Вторым специфическим фактором являлось соперничество Англией с Францией, располагавшей едва ли не самым современным флотом и расходовавшей на него более половины оборонного бюджета /253–299/. Попытки правительства Макдональда дипломатическими средствами в 1932–1934 гг. добиться ограничения французского флота

— 180 —

завершились полной неудачей /267–128/. В начале 1935 г. Париж известил участников Вашингтонского договора, что не считает себя отныне связанный его положениями. Одновременно французские руководители просили англичан снять с повестки лондонских переговоров обсуждение морских вопросов /297–174/. Адмиралтейство беспокоило бурное увеличение французского подводного флота (66).

Заметную роль в расчетах и психологических установках руководителей страны играли воспоминания о гонке морских вооружений в начале века, за которой последовала блокада Британских островов немецким флотом. Вызывал беспокойство и свежий инцидент с постройкой крейсера "Нюрнберг"³⁵. "В связи с недавней историей и известной способностью Германии превратиться, как только она того пожелает, в серьезного морского соперника нашей страны понятно, – отмечали в докладе правительству его представители на морских переговорах в начале июня, – что у нас может появиться основание сожалеть, если мы не сумеем использовать имеющийся шанс остановить на определенном уровне развертывание германского флота" /11,13–366/. В соглашении с немцами лидеры Англии усматривали такую возможность /1,304–510/. Кризис внешнеполитического курса и недостаточность оборонного потенциала заставляли хвататься за соломинку.

Основные наброски морского соглашения появились при подготовке англо-французской программы умиротворения Европы. Совещание представителей Форин Офис, Адмиралтейства, военного министерства

— 181 —

³³ См. также: /4, 1 – 28/.

³⁴ Подробнее см.: /263–346–350; 307–103/.

³⁵ Она была осуществлена в рекордно короткие сроки, крейсер был спущен на воду в начале декабря 1934 г. Отвечая на парламентский запрос, первый лорд Адмиралтейства признал, что о закладке "Нюрнберга" британские ведомства узнали лишь в апреле 1934 г. /84–1935, 2 – 130/.

и министерства авиации 17 января 1935 г, приняло рекомендации по ведению переговоров об ограничении вооружений. Кабинету, в частности, предлагалось санкционировать обсуждение с Германией "военно-морских вопросов в рамках подготовки мировой конференции. Политические затруднения предполагалось преодолеть декларированием, что двусторонние консультации никоим образом не предрешают судьбу соответствующих статей Версальского договора. Меморандум четырех ведомств не предусматривал подписания совместных документов. Началось лишь произвести обмен строительными программами на 1937-1942 гг., причем увеличение тоннажа в полтора раза по сравнению с закрепленным мирным договором уровнем оценивалось как вполне приемлемое для Англии /11,12–430-432/. Еще ранее, 27 ноября 1934 г., Гитлер потребовал признать за Германией право на создание военного флота, равного 35 процентам ВМС Империи /11,12–267/. Однако, судя по меморандуму от 17 января, ни военные, ни дипломаты не придали этому заявлению серьезного значения и надеялись, что немцы примут предложенные Лондоном формы регулирования морского строительства. В конце февраля кабинет рекомендовал Саймону затронуть эти проблемы в ходе визитов в Париж и Берлин /290–156/.

В беседе с английскими министрами рассмотрению морских проблем Гитлер придал глобальный общеполитический смысл, намекнув, что положительное решение позволит снять остроту колониального вопроса и мирно разграничить сферы влияния обеих держав. В морских переговорах нацистская верхушка видела исторический шанс установления "особых отношений дружбы между Англией и Германией" /12,3–1063/. Как упоминалось, Саймон отверг такой подход, указав, что главную роль должна сыграть конференция ведущих морских держав, пригласить на которую "немцев Англия может лишь с согласия

— 182 —

других ее участников /12,4–28/. В результате было решено начать предварительные консультации между морскими ведомствами /12,4–28/.

Они открылись 12 апреля беседой старшего офицера связи командования ВМС рейха Л.Бюркнера с британским морским атташе в Берлине капитаном Муирхэд-Гулдом. Встреча оказалась решающей: отбросив осторожность, атташе сразу же сообщил, что, по мнению Адмиралтейства, "Британия не примет участия в какой-либо морской конференции без Германии /12,4–45-46/. Берлин мог диктовать условия.

В растянувшихся на полтора месяца предварительных переговорах (68) английская сторона трижды потерпела неудачу. При обсуждении сроков открытия официальной дискуссии Лондону пришлось проявить большую, чем Берлину, заинтересованность. 23 и 26 апреля, 24 мая через своих послов и атташе в Германии британское правительство просило ускорить прибытие немецкой делегации, причем в последний раз одновременно по четырем каналам. В итоге настойчивость Англии принимала все более просительный характер.

Во-вторых, Берлину удалось связать новое нарушение мирного договора с англо-германскими контактами и не допустить обсуждения, а тем более осуждения действий Германии. 25 апреля Бюркнер сообщал английскому атташе, что на германских верфях заложено 12 малых подводных лодок /12,4–89-90/. На следующий день ему было объяснено, что отсутствие указания на их строительство в переданной немцами ранее морской программе вызвано лишь тем, что Гитлер отдал соответствующее распоряжение после 12 апреля (71). 28-29 апреля английская печать сообщила о начале создания подводного флота в Германии, а Муирхэд-Гулд, следуя инструкциям Лондона, поставил под сомнение искренность морского командования /11,13–219-221/.

— 183 —

Критика действий Берлина, в частности, в заявлении Макдональда 2 мая, столкнулась с ответными протестами по поводу нарушения британской стороной договоренности о конфиденциальном характере обмена информацией. В то время как язык врученного атташе заявления военно-морского командования граничил с оскорблениями, Лондон воздержался от формального протеста против нарушения рейхом Версальского договора – в третий раз на протяжении полутора месяцев. В обмене упреками последнее слово, осталось за немцами. Конспект завершился тем, что Нейрат осудил непредусмотрительность морских начальников, а адмирал Редер, выразив уверенность, что разглашение сведений по субмаринам – дело рук Форин Офис, извинил

Адмиралтейство /11,13–222-225; 12,4–100/. Разговоры о корректности доведения друг друга отснели на задний план опасность сделанного Германией шага.

Третьим и наиболее важным аспектом подготовительных бесед было сопоставление точек зрения на методiku ограничения ВМС. Англичане исходили из непрактичности установления пропорции флотов в мировом масштабе. Однако Гитлер 21 мая повторил требование признать 35-процентное соотношение. Публичный характер его выступления означал, что переговорам грозит тупик. Неделями позже, отвечая британскому атташе, Бюркнер заявил, что морскому командованию рейха трудно рассчитать строительную программу. Муирхэд-Гулд взялся растолковать позицию Англии и "набросал примерную программу развития германского флота до 1942 г., основываясь на предположении, что Германия добровольно отложить на семь лет достижение 35 % нашей сегодняшней мощи". "Это действительно вызвало огромный интерес офицера связи, и он снял копию дан сведения адмирала Редера", – сообщал атташе в Лондон /11,13–313/. Безмятежность, с которой Муирхэд-Гулд информировал руководство о фактическом

— 184 —

признании 35-процентной квоты, заставляет предположить, что к концу мая Адмиралтейство стало снимать возражения и по этой проблеме (72).

28 мая представители двух стран в Лондоне завершили согласование процедуры, а в Берлине установили дату начала официальных переговоров. На следующий день было объявлено об их открытии 4 июня.

Накануне встречи делегаций Форин Офис и Адмиралтейство уточнили свою позицию. В подготовленной по распоряжению Б.Эйр-Монселла и Д. Саймона записке выражалась надежда, что можно убедить немцев в пагубности для них самих выдвижения чрезмерных требований; выступив инициатором гонки морских вооружений, не располагающая достаточными ресурсами и кадрами Германия неизбежно ее проиграет /11,13–329/. На переговорах, указывал шеф Американского отдела Форин Офис Крэйги, возглавлявший работу по подготовке морской конференции, должны рассматриваться следующие вопросы: качественные ограничения флотов и морской артиллерии» обмен планами строительства судов, признание равноправия всех морских держав независимо от их мощи. Обмен программами не имел бы обязывающей силы, но стороны условились бы, что "каждая из них будет придерживаться своей строительной программы, а в случае внесения в нее изменений оповестит об этом за год до вступления их в силу", говорилось в меморандуме Крэйги /11,13–266-267/. В упомянутых документах не затрагивалась возможность выдвижения Берлином ультимативных требований.

2 июня 1935 г. насчитывающая более 100 человек делегация во главе со специальным уполномоченным по вопросам разоружения И.фон Риббентропом прибыла в британскую столицу и разместилась в отеле "Карлтон", ставшем местом проведения неофициальных бесед.

— 185 —

Руководство рейха стремилось подчеркнуть, что намерено отбросить недостойный двух великих рас дипломатический торг (73).

Начало переговоров утром 4 июня в здании Адмиралтейства оказалось ошеломляющим для англичан. Глава германской делегации отказался придерживаться предложенной повестки дня. Он заявил, что исход переговоров всецело зависит от признания британским правительством "исторического решения фюрера и рейхсканцлера о праве Германии располагать военным флотом в размере 35 % сил Империи. Отбрасывая аргументы побавровевшего от гнева Д. Саймона, Риббентроп повторил изложенную позицию. Взаимные препирательства поставили переговоры на грань срыва. Крэйги предложил немцам удовлетвориться признанием германского требования де-факто. "Сам факт, что после выслушивания этого решения мы по-прежнему желаем продолжать обсуждение, будет достаточным ответом", – заключал Крэйги /11,13–344/. Риббентроп отверг компромисс и вновь потребовал "формального признания со стороны британского правительства". "Торг по этому вопросу неприемлем...– декларировал он. – Предложение г-на Гитлера было сделано в стремлении установить более близкие отношения, но существенно, чтобы британское правительство дало ответ на него" /11,13–345/. В ходе второй и третьей встреч делегаций Англии и Германии позиция последней продолжала ужесточаться. Немцы отвергли возможность консультаций Лондона с другими правительствами прежде, чем

он определит отношение к "окончательному решению" Гитлера. Риббентроп потребовал официального ответа не позднее 9 июня. В противном случае, угрожал он, делегация будет вынуждена прервать переговоры на несколько недель. Все попытки Крэйги объяснить выгоды предлагаемого Англией варианта и вернуться к повестке дня были бесцеремонно сорваны /11,13–359-363/. Уточнения германской позиции,

— 186 —

внесенные Риббентропом и адмиралом Шустером, были малосущественными уступками (74).

Кабинет подчинился ультиматуму, скрасив унижительность положения уклончивостью постановления. 5 июня, после заслушивания доклада Д.Саймона и капитулянтских рекомендаций морского штаба, правительство поручило министерскому Морскому комитету дать окончательные указания британской делегации на переговорах. На деле решение согласиться с немецкими требованиями было принято в середине того же дня на импровизированном совещании старших членов кабинета /11, 13–367-368/³⁶.

Вечером 6 июня госсекретарь (это были последние часы пребывания Д.Саймона в этой должности) заявил Риббентропу, что его правительство намерено "признать решение рейхсканцлера в качестве основы предстоящего обсуждения морских вопросов между правительствами Великобритании и Германии", о чем оно объявит после информирования заинтересованных государств /11,13–375/. Удовлетворенная достигнутым, германская сторона согласилась на перерыв в заседаниях /11,13–384/. В тот же день Лондон осведомил Францию, Италию, Японию и США о своей позиции /11,13–392-393/. Ответ (по существу одобрительный) Японии и США был получен возглавившим Форин Офис С.Хором 12 июня, через три дня стала известна сдержанная реакция Муссолини /15,1935,1–165; 11,13–420-421; 267–141/. Молчание Парижа затягивалось, но его позиция была в целом ясна. Стремясь поскорее оформить соглашение, британские лидеры сочли достаточным обсуждение этой проблемы С.Хором с Ш.Корбэном вечером 17 июня и не стали дожидаться поступления отправленной из Парижа ноты /11,13–419-420/³⁷.

— 187 —

Около 11 часов утра 18 июня С.Хор и И.Риббентроп произвели подписание и обмен письмами, составившими англо-германское соглашение (75). Эпилог составили общеполитическая неофициальная дискуссия и технические переговоры. В ходе трех встреч с Риббентропом Хор, говоря о возможностях углубления двусторонних отношений в интересах европейского мира, дал ясно понять, что следующий шаг – за Берлином. Игнорирование Германией Восточного пакта в его модифицированном виде, подтвердил Хор, является препятствием к заключению воздушного соглашения /11,13–438-440/. 20 июня немецкий эмиссар был принят занявшим пост премьера С.Болдуином, который, напротив, не стал затрагивать наиболее болезненные для англо-германских отношений проблемы – положение в Восточной Европе и возвращение рейха в Международную Организацию (76). Параллельно 18-22 июня в Адмиралтействе продолжилось обсуждение качественного лимитирования морских вооружений и строительных программ. Достигнутое по большинству вопросов согласие было закреплено совместной запиской вице-адмирала Литтла и адмирала Шустера /12,4–339-344/.

Письмо государственного секретаря сэра Самюэля Хора германскому уполномоченному фон Риббентропу открывалось констатацией того, что "основной целью" переговоров являлось подготовка пути "для созыва генеральной конференции по вопросу об ограничении морских вооружений" /83–1935,8–166/. Историки проявили, почти полное единодушие в оценке военного аспекта соглашения 18 июня: поставленная британским правительством цель не была реализована.

— 188 —

Напротив, вслед за его подписанием, а отчасти и благодаря ему, углубилось морское соперничество европейских государств.

Соглашение практически ничем не связывало гитлеровскую Германию. Установленный им максимальный тоннаж германского флота почти в четыре раза превышал лимит Версаль-

³⁶ Подробно о нем см.: /180–827–828/.

³⁷ О завершавших подготовку соглашения переговорах 14–17 июня см.: /290–162–163/.

ского договора (108 тыс. тонн), тогда как водоизмещение наличных ВМС рейха в 1935 г. составляло 79 тыс. тонн. При этом неизбежное увеличение флота Англии и доминионов автоматически должно было поднять планку ограничений в соответствии с 35-процентной квотой. Англо-германское соглашение не предусматривало и каких-либо качественных ограничений, двусторонние консультации на этот счет не имели обязывающей силы.

Между тем, независимо от наличия соглашения по ВМС, экономические возможности Германии в условиях избранной ею континентальной стратегии почти исключали крупное морское строительство (77). Военная бесполезность соглашения стала ясна реалистичным политикам очень скоро, причем в парламентских дебатах июня-июля эту мысль не опровергали и морские начальники, выступавшие в защиту решения правительства. Соглашение на деле означает, отмечал в конце 1935 г. постоянный заместитель госсекретаря, что "Германия может строить столько (военных судов. – О.К.), сколько пожелает, и на время может отступить в том направлении, которое она не считает для себя жизненно важным. Некогда кайзер утверждал, что будущее Германии – на воде. Нынешний режим уже дал совершенно ясно понять, что будущее Германии – и весьма грозное будущее – в воздухе" /11, 15–730/ (78).

Соглашение 18 июня обнажало претензию рейха стать в ряд ведущих морских держав, что вызвало дополнительную напряженность между ними, внесло изменения в дислокацию сил. Резко повысились

— 189 —

темпы военно-морского строительства во Франции, правительство которой сочло что сделка между Лондоном и Берлином освобождает его не только от политических, но и моральных обязательств в этой области /267–144/. Вопреки надеждам англичан³⁸, соглашение не содействовало успеху конференции пяти держав (Германия на ней представлена не была), из-за реакции Парижа ее открытие затянулось до декабря 1935 г. В конце того же месяца конференция была прервана, Япония покинула ее, Италия отказалась подписать обязательства, выходящие за рамки обмена информацией о планах нового строительства. Длительные старания Адмиралтейства свелись к расплывчатому договору США, Англии и Франции от 25 марта 1936 г. /253–340–342/.

Таким образом, ни потенциальная угроза Империи, ни гонка морских вооружений в результате соглашения с немцами не уменьшились. Напротив, оно легализовало нарушение морских статей Версаля, начатое закладкой "Гнейзенау" и "Шарнгорста" и продолженное созданием подводного флота. Серьезное отношение к заявке Гитлера на увеличение в ближайшее время ВМС рейха в несколько раз, тем более ее принятие, создавали в Европе преувеличенные представления о силах Германии и стимулировали материальную подготовку большой войны. В меморандуме министерства рейхсвера в конце лета 1935 г. отмечалось, что соглашение является "совершенно удовлетворительным для (германского. – О.К.) флота" /12, 4–588/. Следовало бы добавить: и для германского оружия в целом, ощутившего в 1940 г. выгоду от чрезмерных усилий Франции в морской области.

— 190 —

Основное влияние результаты англо-германских морских переговоров оказали на политические взаимоотношения в Европе. Соглашение вызвало вспышку недоверия к Великобритании /50–49/. Наиболее существенной для Лондона была резкая реакция французского кабинета. "Мсье Лаваль, – с негодующей иронией сообщал из Парижа дни Кларк, – человек, который стремится к соглашению когда угодно и с кем угодно, которого не без труда удалось вернуть к проводимой Кэ д'Орсэ политике коллективной безопасности, естественно, склонен к преувеличенно трагическим оценкам и попросту чувствует, что его обошли" /11,13–436/. Вероятно, так оно и было /41–144/. Это не помешало главе французского правительства дать трезвую оценку англо-германского соглашения в беседах с прибывшим 20 июня для улаживания конфликта А.Иденом. По мнению Лаваля, лондонское соглашение разрушало договоренности 3 февраля и "объединенный фронт Стрезы". Решение правительства Англии, продолжал он, поощряет гер-

³⁸ Р.Крэйги, впрочем, уже в середине июля пришел к выводу, что англо-германское соглашение затруднило подготовку морской конференции /297--180/.

манское противодействие общеевропейскому урегулированию, подталкивает Берлин к агрессии на Востоке. Сепаратные действия Великобритании подрывали авторитет политики коллективной безопасности³⁹. "Почему бы и другим державам не вести дел с Германией сепаратно?" - ставил перед Иденом вопрос Лаваль. Премьер угрожающе заключал: "Франция могла бы так поступить" /11, 13-447-448/ (79).

Летом-осенью 1935 г. актуальной, однако, была не эта, оставшаяся гипотетической, возможность, но отношение Франции к быстро усваивавшей агрессивные повадки Италией. Морское соглашение внесло свою лепту в односторонность развивавшегося в те

— 191 —

месяцы франко-итальянского сближения. Поддержку, оказанную Италии в абиссинском вопросе, немецкий посол в Риме У. фон Хассел прямо связывал с соглашением Хор-Риббентроп, "которое вызвало острое недовольство Англией и удвоило страх перед Германией в Париже" /12,4-418/.

Гораздо сдержаннее отнеслось к англо-германскому соглашению правительство Муссолини, также давшего в беседах с Иденом в конце июня отрицательную оценку его воздействия на международную обстановку /11, 13-484/. Характерно, что в беседе с фон Хасселом Сувич воздержался от критики немецкой дипломатии, выразив, лишь "крайнее изумление" "британским методом" ведения переговоров. Выдвигая на первый план опасения, что соглашение приведет к росту ВМС Франции, Италия резервировала свою позицию до той поры, когда результаты договоренности Лондона и Берлина проявятся на практике /12,4-334/. Соглашение, по сути, устраивало диктатора: оно породило новые трения между Англией и Францией; усиливало противовес французскому влиянию в Европе и тем самым повышало значимость Италии в политике Парижа; внося деморализацию в межгосударственные отношения, оно облегчало саботирование миротворческих усилий Лиги в итало-эфиопском конфликте (80).

Естественно, соглашение 18 июня резко отрицательно было воспринято Москвой. В беседе с информировавшим о содержании подписанных документов и мотивах Англии Чилстоном М.М.Литвинов назвал сделку "крупной победой" Гитлера и выразил уверенность, что тот будет придерживаться условий соглашения лишь до тех пор, пока налагаемые ограничения не станут возможным превзойти /11,13-442/ (81).

На этой почве укрепилась общность подходов Советского Союза и Франции к европейскому урегулированию. Сообщив наркому о

— 192 —

переговорах Лавалья с Иденом в конце июня, Альфан просил солидаризироваться с Францией, отказавшейся от немедленной посылки морских экспертов для переговоров с Адмиралтейством. Литвинов полностью согласился с ее позицией /5, 18-422/. Существенно ужесточилась линия Франции в отношении воздушного пакта. Если в конце мая под нажимом Саймона Лаваль согласился на участие в обмене замечаниями по проекту воздушного пакта, то после подписания морского соглашения выскользнул из британских объятий, 22 июня он заявил Идену, что принимать участие в переговорах французы будут, только получив обещание Англии заключить с ними двустороннее соглашение о немедленной помощи при нападении с воздуха и условии, что общая воздушная конвенция вступит в силу не ранее, чем другие соглашения, предусмотренные февральским коммюнике /11,13-466/. Поскольку в нем шла речь и о конвенции по ограничению сухопутных вооружений, Лаваль по существу намертво блокировал предварительные переговоры по воздушному пакту.

Негативная реакция европейских государств на сдвиг в британской политике привела к сужению после 18 июня ее возможностей. Углубление, сепаратных переговоров с рейхом могло задаться лишь на абсурдном для английского кабинета понимании морского соглашения как начала разграничения сфер влияния между ними (82). С другой стороны, соглашение актуализировало необходимость партнерских отношений с Францией (83) и до известной степени с Советским Союзом (84) – и без того возраставшую по мере усиления имперских appetitов Муссолини. Лондону неизбежно приходилось делать новые шаги навстречу этим державам и сглаживать впечатление дипломатической измены совместно провозглашенным принципам.

³⁹ См., в частности: /5,18-418-419/.

Заключение морского соглашения, заявил министр по делам Лиги наций А.Иден германскому послу 1 июля, "сделало более чем когда-либо необходимым для правительства его величества прояснить, что оно намерено продвигаться вперед во всех областях" /11,13–503/. Реорганизованное в преддверии всеобщих выборов правительство, без сомнения, было обеспокоено резкой критикой соглашения его оппонентами внутри страны **(85)**. В начале июля кабинет решился на существенную корректировку политики последних недель, что раскрыло заявление госсекретаря по иностранным делам палате общин 11 июля.

Глава Форин Офис взял под защиту морское соглашение, утверждая, что оно является шагом на пути к примирению с Германией. Однако примирение, указал он, не может не быть "целостным и многоаспектным", причем любые дороги к нему проходят через многие европейские столицы, "а согласен, – заявил С.Хор, – что война, начатая в центре еше на востоке Европы, может привести, и, судя по опыту, в самом деле приведет ко всеобщему пожару... Вот почему британское правительство в высшей мере желает увидеть заключение Восточного и Дунайского пактов ненападения в возможно кратчайший срок". Пусть же Германия "сделает необходимый шаг вперед и окажет содействие переговорам по Восточному и Дунайскому пактам, тем самым придавая огромный импульс заключению воздушного пакта", заключал свой призыв министр /1,304–511-512, 514/. Реальное содержание правительственного заявления сводилось к выдвиганию перед Берлином двух основных условий. Во-первых, Англия согласилась с французскими предложениями обременить обсуждение воздушного пакта дебатами об ограничении сухопутных вооружений и поддерживать бесперспективные настояния Парижа в надежде, что со временем они отпадут сами собой /12,4–499-501/.

Во-вторых, как выяснил немецкий посол в доверительной беседе с Хором в начале июля, кабинет признал исходным пунктом дальнейших переговоров с Германией ее участие в Восточном пакте ненападения /12,4–429/.

В начале июля посольству в Лондоне была передана нота британского правительства, содержащая ответ на германский меморандум 25 мая о несоответствии положений франко-советского пакта Локарнского договору. Правительство Болдуина в ясной и четкой форме солидаризировалось с французским подходом и выразило надежду, что "германское правительство признает, что права и обязанности держав, подписавших Локарнский договор, включая Германию, никоим образом не ставятся под сомнение или видоизменяются заключением франко-советского договора" /11,13–508/ **(87)**. Лондон намеревался заставить Берлин выполнить свое апрельское обещание об участии в региональном пакте ненападения и был готов бороться с возведением препятствий к его реализации⁴⁰.

Германский МИД признал позицию Великобритании неприемлемой, а надежда, что рейх станет сотрудничать в осуществлении лондонской программы – наивными /12,4 – 446-449/**(88)**. Свою очередь руководители Форин Офис, хотя и выражали сочувствие германским возражениям, жестко придерживались выработанной позиции. Новый тур бесед английских к немецких представителем оказался бесплодным. Вскоре после нового парламентского заявления С.Хора 1 августа, проконсультировавшись с рейхсканцлером, Нейрат направил послам в главных европейских странах указание оповестить их правительства, что "не следует ожидать изложения мнения Германии ранее октября" /12,4–543/ **(90)**.

Мыслившие категориями традиционной дипломатии руководители и сотрудники МИД Германии выражали разочарование итогами, разыгрывания британской карты. В одобренном статс-секретарем Бюловым письме начальника IV управления МИД Мейера Хешу от 9 августа высказывался пессимизм в связи с воздушным пактом, даже если он станет реальностью, "так как мы увидели", писал Мейер, "в случае с морским соглашением, которое было в большей мере, чем какой-либо другой договор, сориентировано на улучшение отношение (с Англией. – О.К.), как его политический эффект оказался изношен в очень короткий отрезок времени под

⁴⁰ Подробнее см.: /344–145-149/.

воздействием других обстоятельств" /12,4–553/. Нейрат, не оспаривая мнение своего заместителя о затруднительности положения рейха, испытывал все же уверенность, что развитие конфликта в Африке сорвет возрождение "фронта Стрезы". Посол в Англии, напротив, опасался, что Лондон попытается компенсировать напряженность в франко-британских отношениях по абиссинскому вопросу уступками Парижу в области европейского урегулирования /12,4–558/. Л. фон Хеш подчеркивал, что морское соглашение не привело к изменению общеполитической ориентации Великобритании /12,4–559/.

Рассмотрение вопроса о политической значимости англо-германского соглашения убеждает в ошибочности его оценок как "пакта войны" /205–331/, проявления "коварных планов" Англии направить германскую агрессию против СССР /248–299-300; 353–218/. Неверно, на наш взгляд, полагать, что вследствие соглашения "изоляция Германии на международной арене" была "окончательно устранена", а "фронт Стрезы" разрушен /264–135; 297–179; 241–98; 224–119; 251–234/. При этом не вызывает сомнения, что, как показано в работах многих советских (Л.В.Поздеева, С.З.Случ и др.) и зарубежных историков⁴¹,

— 196 —

соглашение 18 июня оказало глубокое и многостороннее отрицательное воздействие на международные отношения, противоречило жизненным интересам Великобритании.

Комплекс внешнеполитических акций по достижению морского соглашения с Германией усугубил наметившийся ранее кризис европейской политики Англии. Его военно-политическое измерение состояло в проявленной на всех этапах разработки соглашения неспособности сложной правительственной машины, системы Комитета имперской обороны вскрыть несоответствие условий Гитлера интересам безопасности-страны и Империи (91), выявить подмену идеи ограничения морских вооружений легализацией неограниченности германского морского строительства, замену переговорного процесса ультиматумами и шантажом. Даже сдержанные критики морского соглашения в палате общин упрекали правительство – как бы странно это ни звучало применительно к Англии – в недостатке дипломатического мастерства /1,304–526/. За этим несомненным обстоятельством стояло другое, более серьезное: роль Форин Офис в решении принципиального внешнеполитического вопроса никогда прежде, вероятно, не была так мала, как при подготовке этого соглашения (92). Разветвленный механизм исполнительной власти дал сбой.

На рубеже весны-лета 1935 г. Лондон, как показалось самым внимательным наблюдателям, внезапно /71–308-305/ отстранился от идеи коллективной безопасности и предпочел ей сепаратного сделку. Политике поиска сочетания и взаимоуравновешивания интересов был отдан ярко выраженный приоритет над силовой. Дело было не только в этом.

— 197 —

На новом этапе перемешивание привычных карт британской политики – в духе верности "британской традиции" и "в особенности британскому инстинкту здравого смысла" /1,304–2933/ породило в ней качественно новое явление. Как точно заметил американский специалист по контролю над вооружениями Холл, "самое важное" в истории морского соглашения состояло в том, что "англичане не получили взамен ничего конкретного" /297–179/. Английские руководители, чувствовали это при принятии окончательного решения. Болдуин успокаивал себя надеждой, что благодаря ему Англия получит нечто осязаемое если не в военно-морской области, то при рассмотрении проблем военной авиации и пактов безопасности /180–827-828/. В июле стало ясно, что Германия вовсе не намерена согласовывать свои цели с действительными национальными интересами Великобритании, и тем более континентальных государств, предлагая ей взамен руководствоваться мифами об исторической миссии двух великий рас. За соглашение Англия заплатила вдвойне – как непосредственным стратегическим проигрышем, так и падением международного авторитета, охлаждением в отношениях с партнерами.

Подготовка и заключение англо-германского морского соглашения со стороны британ-

⁴¹ Едва ли не первым обоснованную комплексную оценку морского соглашения дал У. Черчилль /24–151-153/.

ского правительства было актом умиротворения в строгом смысле этого термина⁴². Берлинский визит английских руководителей объективно явился нащупыванием курса на умиротворение. Морское соглашение 18 июня было первым значительным его проявлением. Подготовка и заключение соглашения не знаменовали, однако, перехода политики Англии в это русло, оказались кратковременным политическим зигзагом, экспериментом и одновременно актом отчаяния⁴³.

— 198 —

Англо-германское соглашение не разрушило основ британской внешней политики. Напротив, оно было следствием этого разрушения и демонстрировало, что – независимо от осознания руководителями государства – они изжили себя. Место старой дилеммы – приоритет баланса сил или баланса интересов – заняла новая: политика коллективной безопасности или умиротворение. Летом 1935 г., как годом ранее, Англия не сделала решающего выбора. Ей предстояло колебаться между двумя полюсами до полного краха международной системы, ускоряя приближение конца того, что всеми силами стремилась сохранить – мир в Европе.

⁴² См.: глава I, параграф 2.

⁴³ Интересное уточнение понятия политики умиротворения применительно к середине тридцатых годов, внесенное А.Гудвином, см. /348–VI-VII/.